

Пилянкевич Николай Иванович

История философии права

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
П32

- П32 **Пилянкевич Н.И.**
История философии права / Пилянкевич Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2013. – 302 с.

ISBN 978-5-458-23277-7

Издавая ныне труд Н.И. Пилянкевича, мы руководствовались многими соображениями: во-первых, мы думаем, что не смотря на значительное число лет, отделяющих его от настоящего времени, он может служить и теперь некоторым пособием и руководством для студентов-юристов, изучающих историю философии права, тем более что мы совершенно бедны сочинениями по этому предмету на русском языке; со времени истории философии права, представленной Невוליным в его Энциклопедии (1839 г.), приобретена нами всего одна книга: Очерк (весьма краткий) истории философии права Гейера (перевод с немецкого 1866 г.). Во-вторых, труд этот, совершенный в тяжелый период нашего высшего просвещения, может служить доказательством, что и тогда в наших университетах, при всем преобладании лишь формального исполнения своего долга, были лица, делавшие, по мере сил своих, настоящее дело. Наконец, изданием этого труда нам хотелось бы принести хотя позднюю поправку когда-то допущенной погрешности, и сколько-нибудь воздать добрую память Н.И. Пилянкевичу, который, без сомнения, заслуживал лучшей участи. Киев, 7 января 1870 г. Н. Ренненкампф

ISBN 978-5-458-23277-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стоящее время не всегда есть и кандидаты, тогда давались съ трудомъ, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы на младшихъ учительскихъ должностяхъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. () возможности остаться по окончаніи курса при университетѣ, хоть на годъ, съ содержаніемъ въ 300 руб., съ цѣлью чему-нибудь поучиться, на свободѣ отъ лекцій и экзаменовъ, позволительно было только мечтать, безъ всякой надежды на осуществленіе мечты, потому что университеты въ то время не оставляли у себя окончившихъ воспитанниковъ. И тѣмъ не менѣе, мечтали многіе, — такъ тѣсно было открывавшееся пошире! Единственная дѣятельность, представлявшаяся студентамъ (кромя медиковъ), состояла въ канцелярскихъ занятіяхъ, съ самымъ ограниченнымъ содержаніемъ (отъ 3 до 12 р. въ мѣсяцъ, а часто и вовсе безъ платы), но и здѣсь они встрѣчали опасныхъ соперниковъ во множествѣ лицъ недоучившихся или учившихся лишь въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, и которые однакоже принимались гораздо охотнѣе, потому что по своему развитію болѣе подходили къ господствовавшимъ условіямъ службы.

При такомъ положеніи вещей, Н. И. Пилякевичъ, не расположенный заняться переноскою бумагъ въ какой-либо канцеляріи, опредѣлился учителемъ въ Кіево-Подольское уѣздное училище.

Открывшаяся ему дѣятельность, и еще болѣе окружившее его общество, не соответствовали ни его знаніямъ, ни стремленіямъ. Отличаемый въ Университетѣ вниманіемъ товарищей и наставниковъ, особенно К. Неволина, онъ чувствовалъ себя въ новой сферѣ далекимъ отъ возлагаемыхъ на него надеждъ, забытымъ и заброшеннымъ, и не владѣя достаточной твердостью характера, онъ сталъ погружаться мало-по-малу, незамѣтно для себя, въ ту патриархальную, ограниченную и безучастную жизнь, которую Подольская часть Кіева отличается и теперь, и которая по временамъ разнообразилась и оживлялась карточными вечеринками и рыбными ловлями на привлекательныхъ водахъ Днѣпра. Чрезъ два года службы на Подольѣ Н. И. Пилякевичъ былъ переведенъ учителемъ

лемъ исторію въ 1-ю Кіевскую гимназію, и мѣсяца два ходилъ туда на уроки, но Подоль, съ своими тихими удовольствіями и невзыскательною простотою нравовъ, сталъ манить его въ свой кругъ, и онъ просилъ перевести его обратно въ уѣздное училище, что и было исполнено. Въ 1841 г. Н. И. Пилянкевичъ былъ назначенъ въ Нѣжинскій лицей, по рекомендаціи Кіевского юридическаго факультета, исправляющимъ должность профессора гражданскихъ законовъ. Къ сожалѣнію, Нѣжинъ, по условіямъ своего быта весьма сходный съ Кіевскимъ Подоломъ, не имѣлъ даже преимуществъ послѣдняго, состоявшихъ въ непосредственныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ частями города, болѣе оживленными въ умственной и общественной жизни. Также невзыскательная простота, изолированность и покой жизни, и также способность захватывать въ узкій кругъ своихъ нравовъ и интересовъ каждаго молодого человѣка не искушеннаго жизнію, или не владѣющаго нужною силою сопротивленія. Самъ лицей мало представлялъ условій для научной дѣятельности: состоящій всего изъ 3-хъ, 4-хъ преподавателей, различныхъ по глѣтамъ, направленію, онъ не имѣлъ и не могъ имѣть той возбуждающей и поддерживающей среды, безъ которой невозможно умственное движеніе; студенты—слушатели равнымъ образомъ не служили для своихъ профессоровъ побужденіемъ къ научнымъ работамъ: они набирались обыкновенно изъ гимназистовъ слабѣйшихъ (лучшіе всегда шли въ университетъ), и поступаая въ лицей лишь для практическихъ служебныхъ цѣлей, обнаруживали возбужденіе и учебную дѣятельность только передъ репетиціями или экзаменами, для полученія нужной степени.

Между тѣмъ университеты наши и 30 лѣтъ назадъ, какъ и нынѣ, страдали отъ недостатка лицъ подготовленныхъ для занятія университетскихъ кафедръ, и тогда какъ и нынѣ единственнымъ средствомъ для его устраненія находили въ посылкѣ избранныхъ молодыхъ людей въ чужіе края для усовершенствованія по разнымъ частямъ университетскаго преподаванія. Въ 1842 г. 31 дек. было получено изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія распоряженіе, въ которомъ

указывалось на посылку за границу какъ на мѣру общую, и предписывалось попечителю учебнаго округа произвести самый выборъ молодыхъ людей.

Тогдашній попечитель округа, Фонъ-Брадее, человекъ высокаго образованія, характера и умѣнія понимать свою роль, обратился къ факультетамъ, которые вскорѣ и представили избранныхъ ими лицъ, а указомъ 1843 г. 26 августа послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на командировку ихъ въ чужіе края, на 3 года.

Со времени основанія Кіевского университета, это была первая посылка за-границу довольно значительнаго числа молодыхъ людей, предназначенныхъ для будущаго пополненія его ученыхъ силъ, и потому она не лишена своего интереса.

Отъ юридическаго факультета кандидатами для командировки были представлены: Платонъ Тутковский (для международнаго права), Н. И. Пялякевичъ (для юридической энциклопедіи) и И. М. Вигура (для государственнаго права), отъ такъ называвшагося тогда факультета философскаго 1-го отд.—Ив. Вернадскій (для политической экономіи) и М. А. Туловъ (для славянскихъ нарѣчій; онъ отказался отъ поѣздки), отъ физико-математическаго—А. С. Роговичъ; одновременно были посланы за границу отъ другихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, между прочими С. М. Ходецкій и К. М. Ософилактовъ, поступившіе потомъ въ Университетъ Кіевскій и состоящіе въ немъ и до сихъ поръ. Они встрѣтились съ кіевлянами въ Берлинѣ и составляли одинъ кружокъ. Для каждаго командированнаго факультета составили особыя инструкціи; въ этихъ инструкціяхъ были опредѣлены предметы, которые каждый долженъ былъ высказать; кругъ предметовъ былъ весьма обширенъ и разнообразенъ (такъ напр. посланному для юридической энциклопедіи указаны: энциклопедія, философія права, исторія положительныхъ законодательствъ, особенно римскаго, германскаго и церковнаго права (?), исторія и право важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, греческія древности (?), всеобщая исторія, статистика, и сверхъ всего изученіе славянскихъ законодательствъ). Инструкція требовала 1) чтобъ по каждому предмету былъ

выслушать одинъ, а если можно, то два и болѣе курса; 2) чтобы независимо отъ лекцій командированные изучали свой предметъ чтеніемъ лучшихъ по оному сочиненій и самостоятельнымъ изученіемъ источниковъ; 3) чтобы въ началѣ и концѣ полугодія каждый доносилъ-бы объ избранныхъ имъ предметахъ, о числѣ взятыхъ часовъ, о дѣйствительно прослушанныхъ курсахъ, и сверхъ того о тѣхъ особыхъ домашнихъ занятіяхъ, которыми каждый предавался. Особенно подробно и тщательно была составлена инструкція, данная А. С. Роговичу и принадлежащая перу извѣстнаго ботаника Э. Р. Траутфеттера, бывшаго потомъ ректоромъ Кіевскаго университета. Въ ней были указаны не только предметы и профессора, но мѣста, которыя онъ долженъ былъ посѣтить во время лѣтнихъ экскурсій, кабинеты, коллекціи, рудники, лица съ которыми долженъ былъ познакомиться; все время трехлѣтняго пребыванія было распредѣлено семестрами по университетамъ, и даже опредѣленъ былъ маршрутъ путешествія и возвращенія въ Россію.

Для слушанія курсовъ юридическихъ былъ указанъ главнымъ образомъ университетъ Берлинскій, лишь 4-е полугодіе предполагалось для временнаго посѣщенія университетовъ Лейпцигскаго, Геттингенскаго и Гейдельбергскаго; 3-й годъ пребыванія за границею предназначался для посѣщенія Франціи и Англіи.

Въ тоже самое время Министерство Народ. Просв. отнеслось къ нашему посланнику при берлинскомъ дворѣ (бар. Мейсндорфу) объ оказаніи пособія и покровительства командированнымъ молодымъ людямъ; и равнымъ образомъ и къ проживавшему въ то время въ Берлинѣ генераль-адъютанту Мансурову, съ просьбою »о дѣятельномъ попеченіи надъ находившимися въ Пруссіи русскими студентами«. Съ этою цѣлю предписано было, чтобы молодые люди, по пріѣздѣ въ Берлинъ, явились къ гг. Мейсндорфу и Мансурову и впослѣдствіи доносили-бы имъ о своихъ занятіяхъ; равнымъ образомъ требовалось, чтобы во время дальнѣйшихъ путешествій, они являлись къ нашимъ посланникамъ и

агентами, гдѣ таковыя состояли, »доносили-бы имъ по временамъ о своихъ занятіяхъ и отбывали не иначе, какъ съ ихъ вѣдома«.

Нельзя не удивляться тому, какимъ образомъ члены факультетовъ, составлявшие эти подробныя и требовательныя инструкціи, сами бывшіе въ свое время за границею, упустили изъ виду, что трудъ ихъ былъ совершенно бесполезенъ, что русскій молодой человѣкъ, отправившійся въ германскій университетъ, былъ также свободенъ какъ и каждый нѣмецкій студентъ, что присылаемые отчеты съ указаніемъ прослушанныхъ курсовъ и часовъ могли вполне удобно и безопасно ничего не значить; трудно читать безъ улыбки оставшіяся на отчетахъ факультетскія помѣты: »присланный такимъ-то отчетъ за такое полугодіе вполне соответствуетъ данной ему инструкціи, а потому«....

Надзоръ надъ командированными русскими, установленный въ лицѣ нашихъ посольствъ, былъ весьма умѣренный, и въ большинствѣ случаевъ ограничивался лишь визомъ паспортовъ, бывшею тогда повсемѣстнымъ обычаемъ. Отношенія къ генер.-ад. Мансурову были самыя лучшія; онъ и его семейство относились къ молодымъ людямъ съ расположеніемъ и готовностію оказать нужную помощь. Одинъ изъ командированныхъ вспоминалъ намъ съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ однажды, въ день Свѣтлаго Воскресенія, русскіе молодые ученые были приглашены въ домъ Мансуровыхъ, и встрѣтили тамъ и ласковость хозяевъ и чисто русское гостепріимство.

Было въ Берлинѣ и еще одно русское лицо, стоявшее въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ посланнымъ туда молодымъ людямъ, хотя и не призванное къ тому официально. Это—посольскій священникъ Дормидонтъ Ивановичъ Соколовъ. Онъ давно жилъ въ Прусской столицѣ и пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ мѣстнаго населенія, которое знало его весьма хорошо. Полный радушія и пріятливости, онъ охотно принималъ всѣхъ русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Берлинъ. У него-то наши молодые люди проводили свой досугъ, а въ нужныхъ случаяхъ встрѣчали добрый совѣтъ и помощь. По словамъ одного изъ

командированныхъ тогда, общество, которое наши молодые люди находили въ домѣ Д. И. Соболева, и возможность всегда пользоваться этимъ обществомъ, отклонили многихъ изъ нихъ отъ тѣхъ многочисленныхъ удовольствій въ увеселительныхъ мѣстахъ Берлина, за которыя они могли-бы расплатиться и деньгами и временемъ и здоровьемъ.

Съ 1844 года начали появляться отчеты командированныхъ молодыхъ ученыхъ; къ сожалѣнію сохранились только немногіе изъ нихъ. Но и по нимъ можно сдѣлать нѣкоторые заключенія. Наши молодые будущіе ученые, какъ видно, отправились въ чужіе края по большей части съ богатыми инструкціями и бѣдною научною подготовкою, за которую впрочемъ трудно ихъ и винить, особенно если вспомнить, что почти всѣ они передъ посылкою за границу были учителями предметовъ, совершенно чуждыхъ заграничнымъ занятіямъ ихъ.

Въ отчетахъ нерѣдко высказывается недовольство слуханными курсами, особенно французскихъ преподавателей; недовольство, едвали не объясняемое тѣмъ, что наши молодые ученые, еще не испытавъ сами условій университетскаго преподаванія, явились съ требованіями слишкомъ высокими и упустили ту истину, что никакой курсъ не можетъ быть вѣчнымъ праздникомъ, полнымъ открытій и движенія науки (между французскими профессорами были тогда Ю. Симонъ, Э. Кина, Мишле, Ортоланъ, Мишель-Шевалье, Кальме, Лабуле и др.).

Другая черта, характеризующая нашихъ молодыхъ ученыхъ, представляется въ чрезвычайно юношескомъ, восторженномъ настроеніи ихъ. Въ отчетахъ и разговорахъ, о которыхъ мы слышали отъ близкихъ къ нимъ лицъ, довольно часто высказывалось ими о необходимости научнаго одушевленія, идеальномъ служеніи наукѣ, отреченія отъ благъ житейскихъ. Спокойное отношеніе къ предмету, а еще болѣе скептицизмъ къ ихъ идеаламъ. вызывали съ ихъ стороны рѣшительное осужденіе и подозрѣніе въ отсталости и слабости. Такіе приговоры встрѣчаются даже и въ отчетахъ, и притомъ въ весьма наивной формѣ; такъ въ одномъ изъ нихъ говорится: »слушая г. Порте (Portès въ Collège de France),

невольно удивляешься, какъ могъ этотъ человѣкъ сохраниться въ прежней своей наивности? кажется, будто слышишь какого-нибудь преподавателя 18 вѣка!.. Въ восторженномъ настроеніи нѣкоторыхъ изъ командированныхъ было много здоровыхъ силъ и той неувядаемой красоты юности, которая невольно и легко мирить съ своими очевидными ошибками и заносчивостью надеждъ; но была въ немъ натянутость и большая доля незрѣлости и неопытности. Люди жили въ какомъ-то фантастическомъ мірѣ, и не старались даже уяснить себѣ среду, съ которою вели дѣло, и съ которою должны были скоро посчитаться. Особенно намъ показалось любопытнымъ одно мѣсто въ отчетѣ, гдѣ высказывается самое рѣшительное порицаніе безсмѣнности французскихъ профессоровъ, въ силу котораго они остаются при своихъ должностяхъ до смерти, если только будутъ слѣдовать утвержденнымъ программамъ »Профессорское *inamovibilité* есть самое большое зло; оно заставляетъ университеты терпѣть никуда негодныхъ людей«. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшнее поколѣніе, быть можетъ также не богатое наукою какъ и прежнее, но гораздо раньше созрѣвшее опытомъ, не рѣшилось-бы помѣстить такого воззрѣнія въ отчетѣ, предназначавшемся для лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже отстали и отъ науки, отчасти даже забыли кое-что изъ выслушаннаго когда-то у Савиньи и Рудорфа, и близились къ окончанію роковыхъ 25-ти лѣтъ.

Въ Парижъ пріѣхали наши молодые русскіе въ началѣ 1846 года и застали въ тамошнемъ ученомъ мірѣ борьбу и волненія: это было время изданія *L'ultramontanisme, Des Jésuites*, чтенія лекцій Мишле, Эд. Кине, въ которыхъ профессора самымъ рѣзкимъ образомъ нападали на злоупотребленія современнаго духовенства, на господство іезуитовъ, на доктринѣрство и консерватизмъ министровъ. Это было время, когда министръ народнаго просвѣщенія (Сальванди) то и дѣло долженъ былъ бороться съ программами университетскихъ чтеній (Кине, Мишле) и требовать, чтобы профессора не обращали аудиторій въ арену политическихъ демонстрацій. Духъ тогдашнихъ партій въ такой степени овладѣлъ уни-

верситетскимъ парижскимъ міромъ, что нѣкоторые изъ профессоровъ, приверженцевъ ультра-монтанизма, рѣшались являться на кафедре подъ прикрытіемъ полиціи, да и ея защита мало помогала, потому что приходившая толпа слушателей, сторонниковъ Ар. Мараста и Год. Кавеньяма, поднимали такой шумъ, который не допускалъ никакого чтенія (такъ было въ Сорбоннѣ съ професс. всеобщей исторіи, адъюнктомъ Гизо, Ленорманомъ). Волненія аудиторій были только отраженіемъ той главной политической борьбы, которая велась въ это время въ законодательномъ собраніи, газетахъ, клубахъ и публичныхъ сходкахъ. Парижское движеніе сообщилось и нашимъ молодымъ путешественникамъ: Парижъ представлялся имъ «всемирнымъ центромъ, гдѣ слышнѣе всего пульсъ жизни человѣчества», гдѣ «бьетъ главный родникъ всесторонняго развитія жизни общественной», откуда «всего лучше, удобнѣе, вѣрнѣе, наблюдать за современнымъ движеніемъ государственной жизни не только Франціи и Европы, но и всего политическаго міра». Наши ученые усердно посѣщали засѣданія палаты пировъ и палаты депутатовъ, и «рѣчи Гизо, Тьера, Одилонъ-Баро, Ламартина и др. политическихъ ораторовъ поучительнѣе, говорили они, многихъ профессорскихъ школьныхъ чтеній». Не были чужды имъ и тѣ социалистическія стремленія и надежды, которыя такъ магически господствовали въ нѣкоторыхъ значительныхъ частяхъ тогдашняго поколѣнія парижанъ. Луи-Блана социальная теорія, Луи-Блана *Dix ans*, считались у нихъ рѣшающимъ политическимъ словомъ, совершенствомъ историческаго вѣдѣнія и таланта.

Большинство молодыхъ русскихъ, возвратившись на родину, внесли въ ученое кievское общество, жившее съ середины 40 г. въ самомъ безмятежномъ мірѣ дружескихъ вечеровъ и официальной службы, свѣжесть силъ, новизну умственныхъ и нравственныхъ воззрѣній и невѣріе въ серьезность мѣстныхъ авторитетовъ; и эти послѣдніе, огорченные неожиданнымъ сомнѣніемъ, при случаѣ выражали готовность попризвать необдуманныхъ скептиковъ. Нашимъ же иностраннымъ уче-

нымъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, принадлежитъ заслуга возбужденія въ ближайшихъ къ нимъ кружкахъ живаго интереса и вниманія къ современнымъ явленіямъ политической и общественной жизни запад. Европы, и болѣе близкаго знакомства съ ученіями Овена, С. Спикона, Фурье и др., о которыхъ кіевляне знали до сихъ поръ больше по наслышкѣ, по часнымъ и библиографическимъ извѣстіямъ, перѣдко преувеличеннымъ и даже суетѣрнымъ.

Впрочемъ должно замѣтить, что недавніе путешественники не исповѣдывали никакихъ крайнихъ и рѣшительныхъ теорій, и, какъ замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ, близко ихъ знавшій, они не принесли съ собою никакихъ опредѣленныхъ, рѣзкихъ воззрѣній, и даже сторонились отъ нихъ (напр. отъ ученія Барбеса). Ихъ политическое и социальное міросозерцаніе болѣе всего пѣнилось неопредѣленностію дѣла, украинскаго чистотою стремленій, лиризмомъ и увлекательнымъ словомъ. Ихъ героемъ и идеаломъ былъ Ламаргинь, который такъ возвышенно мыслить и такъ прекрасно говорить....

Посылка за границу оживила и Н. И. Пилипкевича; заѣхавъ въ Кіевъ, по дорогѣ въ чужіе края, онъ пріятно удивилъ своихъ родныхъ произведеніемъ въ немъ переменъ; вопреки своему обычаю, онъ былъ разговорчивъ, оживленъ, много и съ чувствомъ говорилъ объ открывшейся ему дѣятельности и былъ полонъ какого-то трепетнаго ожиданія. Но это были временныя порывы; довольно долгое время, проведенное безъ оживляющихъ и поддерживающихъ занятій, не могло не оставить въ немъ своего рода душевной пустоты и недовольства.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, онъ вскорѣ замѣтилъ, что никакая заграница не обладаетъ могуществомъ внести жизнь и движеніе туда, гдѣ она имѣла мало матеріаловъ. Къ Н. И. Пилипкевичу возвратились прежнія его молчаливость и необщительность; своихъ товарищей-русскихъ посѣщалъ онъ изрѣдка, но не любилъ ни самъ говорить, ни слушать другихъ. Лишь по временамъ и неожиданно онъ оживлялся, и въ эти минуты былъ чрезвычайно привлекательнымъ юмористическимъ рас-

казачикомъ. Не пробудилъ Берлинъ въ Н. И. Пилипкевичъ одушевленнаго расположенія и къ юриспруденціи; охотнѣ всего онъ посѣщалъ клиники, химическія лабораторіи, и особенно галереи, музыкальныя собранія, концерты.

Впрочемъ, обладая большими способностями, чрезвычайно ясною и основательною мыслію, и понимая лежавшую на немъ нравственную отвѣтственность, онъ занимался юриспруденціей на столько, на сколько это было возможно для него, и въ значительной стѣпени овладѣлъ своимъ предметомъ и былъ довольно знакомъ съ германскою юридическою литературою. Германія, или вѣрнѣе сказать, Берлинъ, былъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ Н. И. Пилипкевичъ провелъ 3 года своей командировки. Ни въ Англію, ни во Францію онъ не поѣхалъ, вслѣдъ за своими товарищами, отчасти вслѣдствіе беззаботности своего нрава и неумѣнія сберечь нужныхъ для путешествія денегъ, а отчасти и потому, что его спокойная натура и овладѣвшее имъ равнодушіе не вызывали его къ перемѣнѣ мѣстъ и знакомству съ новыми сторонами и интересами жизни.

По возвращеніи въ Кіевъ, онъ уединился еще болѣе, и еще неохотнѣ сходилъ съ товарищами своей берлинской жизни: ихъ раздѣляли и различіе природы и та грань, которая неминуемо образовалась вслѣдствіе пребыванія послѣднихъ въ Парижѣ и отчасти увлеченія ихъ господствовавшимъ тогда въ публицистикѣ направленіемъ. Впрочемъ, разъединеніе прежнихъ товарищей не имѣло въ себѣ ничего личнаго. Какъ человѣкъ, Н. И. Пилипкевичъ отличался всегда независимостію характера, чуждаго искательства и сомнительной уклончивости, снисходительностію въ людскимъ слабостямъ и чрезвычайною добротою, доходившею иногда до самоотверженія, и пользовался расположеніемъ всѣхъ, знавшихъ его.

Н. И. Пилипкевичъ предпочиталъ мирный домашній крокъ и небольшой кругъ знакомыхъ, большею частію лицъ не университетскихъ, которые изрѣдка посѣщали его, и ближе подходили къ его натурѣ